

Международные отношения

国际关系

International Relations

Научная статья

УДК 327(510+100)

EDN OEUFML

DOI 10.17150/2587-7445.2025.9(2).172-183

Китай как объект интегрированного сдерживания в АТР**Г.В. Торопчин**

Новосибирский государственный
технический университет,
г. Новосибирск, Российская
Федерация

Дата поступления:

05.05.2025

Дата принятия к печати:

12.08.2025

Дата онлайн-размещения:

29.08.2025

Аннотация. Целью статьи является комплексное изучение роли Китая в стратегии интегрированного сдерживания США и их союзников в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Обзор отечественной и мировой литературы позволил выявить разрозненность исследований интегрированного сдерживания КНР, что, в свою очередь, определяет исследовательскую нишу, которую призвана заполнить настоящая работа. Её теоретической основой выступает конструктивизм: концепт интегрированного сдерживания изучается как идеологический артефакт, смысловое наполнение которого определяется установками предыдущей американской администрации. Методология построена на сочетании количественного и качественного контент-анализа и сравнительного исследования актуальных на 2025 г. стратегических документов США, Японии, Республики Корея и Австралии. Концепция интегрированного сдерживания подразумевает не только сочетание сдерживания ядерными средствами и обычными вооружёнными силами, но и средствами «мягкой» и нетрадиционной безопасности. Выявлено, что КНР является основным объектом интегрированного сдерживания в политике США. В то же время, союзники Вашингтона в АТР практически не переняли понятие «интегрированное сдерживание» в своих доктринальных документах. Единственными исключениями являются Стратегический обзор по обороне Австралии 2023 г. и обзор «Оборона Японии» 2024 г. (по одному упоминанию). В текущей версии Белой книги по обороне Республики Корея активно используется термин «интегрированная оборона». Характерным отличием официальных документов США и их азиатско-тихоокеанских союзников является нежелание последних открыто ассоциировать политику сдерживания (не только интегрированного) с Китаем. КНР упоминается в контексте китайско-американского противостояния, при этом подчёркивается стремление союзников США в АТР к конструктивному взаимодействию с КНР.

Ключевые слова. Интегрированное сдерживание, расширенное ядерное сдерживание, США, Китай, КНР, Австралия, Республика Корея, Япония.

科学文章

中国作为亚太地区综合威慑的对象

G.V. Toropchin

新西伯利亚国立技术大学,
新西伯利亚市, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2025年05月05日
出版日期: 2025年08月12日
网上出版日期: 2025年08月29日

摘要: 本文旨在全面研究中国在美国及其亚太地区盟国综合威慑战略中的作用。通过对国内外文献的梳理, 我们发现对中国综合威慑的研究较为零散, 这也决定了本文要填补的研究空白。本文的理论基础是建构主义: 综合威慑的概念是作为一种意识形态的人工制品来研究的, 其含义由前任美国政府的态度所决定。研究方法基于定量和定性内容分析相结合的方法, 并对美国、日本、韩国和澳大利亚当前的 2025 年战略文件进行了比较研究。综合威慑的概念不仅意味着核威慑与常规武装力量的结合, 还意味着“软”安全与非常规安全的结合。研究显示, 中国是美国综合威慑政策的主要对象。与此同时, 华盛顿在亚太地区的盟国实际上并未在其战略文件中采纳“综合威慑”的概念。唯一的例外是《澳大利亚 2023 年国防战略评估》和《日本 2024 年国防评估》(各提及一次)。当前版本的《韩国国防白皮书》大量使用了“综合防御”一词。美国与其亚太盟国官方文件的一个显著区别是, 后者不愿公开将威慑政策(不仅是综合威慑)与中国联系起来。中国是在中美对抗的背景下被提及的, 同时强调美国在亚太地区的盟国希望与中华人民共和国进行建设性接触。

关键词: 综合威慑, 延伸核威慑, 美国, 中国, 中华人民共和国, 澳大利亚, 韩国, 日本。

Original article

China as an Object of Integrated Deterrence in the Asia-Pacific

G.V. Toropchin

Novosibirsk State Technical
University,
Novosibirsk, Russian Federation

Received: 2025 May 5
Accepted: 2025 August 12
Available online: 2025 August 29

Abstract. The paper features a complex investigation of China's role in the strategy of integrated deterrence exercised by the US and its allies in the Asia-Pacific. A review of Russian and international literature showed a fragmented nature of the existing studies of integrated deterrence directed at the PRC, which in turn defines the research gap the article aims to fill. Constructivism presents a theoretical framework for this study: the concept of integrated deterrence is investigated as an ideological artifact whose semantics is determined by the guidelines of the previous US administration. The methodology is a combination of quantitative and qualitative content analysis as well as a comparative study of the strategic documents adopted by the US, Japan, the Republic of Korea (ROK) and Australia as of 2025. The concept of integrated deterrence presupposes not only a combination of deterrence through nuclear and conventional armed forces, but also means of soft and non-traditional security. It is found that China is a primary target of integrated deterrence in the US policy. At the same time, Washington's allies in the Asia-Pacific virtually refrained from using the term “integrated deterrence” in their doctrinal documents. The only exceptions are the 2023 Australia's Defence Strategic Review and 2024 Defence of Japan digest (one mention each). ROK's most recent Defence White Paper also actively utilises the term “integrated defence”. A characteristic feature differentiating the official documents of the US and their Asia-Pacific allies is the reluctance of the latter to openly associate any kind of deterrence policy (not only integrated deterrence) with China. The PRC is mentioned in the context of Sino-American competition,

and the US allies in the Asia-Pacific underscore their striving for a constructive interaction with the PRC.

Keywords. Integrated deterrence, extended nuclear deterrence, US, China, PRC, Australia, Republic of Korea, Japan.

Введение

Актуализация проблем безопасности в АТР в последние годы во многом обусловлена нарастанием американско-китайского противостояния в различных сферах, от торгово-экономической до идеологической. Сложившаяся в эпоху биполярного мира система «оси и спиц» вытесняется в последние годы на макрорегиональном уровне сложной сетевой архитектурой безопасности [1–4]. Впрочем, эта трансформация не отменяет ключевого значения традиционного набора двусторонних американских альянсов в АТР. Напротив, их важность лишь возрастает для Вашингтона в условиях противоборства с КНР.

Статья посвящена изучению роли Китая в стратегии интегрированного сдерживания США во взаимодействии с их важнейшими партнёрами в Азиатско-Тихоокеанском пространстве¹: Австралией, Республикой Корея и Японией. Выборка стран обусловлена наличием союзнических связей указанных игроков с США. Документальным обоснованием такого методологического решения является участие Австралии в пакте АНЗЮС 1951 г.² и формате AUKUS с 2021 г.³, действие Договора США и Республики Корея о взаимной обороне 1953 г.⁴ и японо-

американского Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г.⁵

Структура статьи обусловлена исследовательским замыслом. Краткий обзор литературы позволяет составить генерализованное представление о степени изученности темы. После этого рассматриваются происхождение и семантика термина «интегрированное сдерживание», прежде всего, в американской практике. Затем с применением количественного и качественного контент-анализа последовательно анализируются релевантные доктринальные документы США, Японии, Республики Корея и Австралии. В завершение выявляются общие и особенные черты, характеризующие роль Китая в стратегиях безопасности указанных государств. Выводы представлены в заключении.

Обзор литературы

В связи со своей относительной новизной затрагиваемое явление лишь только получает полноценное осмысление в мировой науке. Тем не менее можно выделить ряд зарубежных и отечественных публикаций, касающихся проблематики интегрированного сдерживания в политике США и союзных им игроков в АТР.

Неудивительно, что большой пласт работ по проблематике принадлежит американским экспертам. Термин «интегрированное стратегическое сдерживание» встречается ещё в работе М.С. Чейза и А. Чаня 2016 г. [5], где он приписывается... китайской стратегической мысли. Подчёркивается, что КНР воспринимает стратегическое сдерживание как более обширную категорию, нежели ядерное сдерживание. В частности, оно подразумевает собой поиск военных и прочих уязвимостей противника и асимметричные ответы на угрозы. В качестве отправной точки, с которой отсчитывается активное развитие Пекином потенциала такого сдерживания, называется бомбардировка китайского посольства в Белграде в 1999 г. Впрочем, авторы отмечают, что американское видение

¹ В терминологии США и некоторых других государств в последнее время активно используется понятие Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). Осознавая различия в географических формулировках и особенно идеологическом наполнении терминов «АТР» и «ИТР», в то же время сложно оспаривать их взаимосвязанность, в т.ч. с учётом наложения Азиатско-Тихоокеанского и Индо-Тихоокеанского пространств.

² The Australia, New Zealand and United States Security Treaty (ANZUS Treaty) // Office of the Historian — Department of State. 1951. URL: <https://history.state.gov/milestones/1945-1952/anzus> (дата обращения 20.06.2025).

³ Agreement Between the Government of Australia, the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, and the Government of the United States of America for the Exchange of Naval Nuclear Propulsion Information // Parliament of Australia. URL: https://www.aph.gov.au/-/media/02_Parliamentary_Business/24_Committees/244_Joint_Committees/JSCT/2021/AUKUS_ENNPIA/2_AUKUS_treaty_text.pdf (дата обращения 20.06.2025).

⁴ Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea // Avalon Project — Documents in Law, History and Diplomacy. October 1, 1953. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (дата обращения 20.06.2025).

⁵ Treaty of Mutual Cooperation and Security Between Japan and the United States of America // Wikisource, the free library. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Treaty_of_Mutual_Cooperation_and_Security_between_Japan_and_the_United_States_of_America (дата обращения 20.06.2025).

стратегического сдерживания подразумевает аналогичную широкую трактовку. Л. Картер в рассуждениях об интегрированном сдерживании ссылается на Сунь-цзы, фокусируя внимание на необходимости взаимосвязи тактики и стратегии [6]. Т.е. американские комментаторы исходят из китайского происхождения самой идеи интегрированного сдерживания.

Переходя к американской версии реализации концепции, А. Тарапор и Б. Тейлор подчёркивают взаимосвязь между тенденцией к развитию минилатерализма в АТР и интегрированным сдерживанием [7]. Целью США и их союзников авторы называют предотвращение «ревизионистского» поведения КНР. М.Э. О'Хэнлон, М.У. Сиссон и К. Тэлмидж связывают концепт интегрированного сдерживания с потенциальным переходом конфликта вокруг Тайваня в «горячую» фазу [8]. Авторы достаточно амбивалентно определяют интегрированное сдерживание как средство «обеспечения ясности» в позиции США относительно предотвращения ядерной эскалации в тайваньском кризисе. К. Малкасян отмечает, что возрастание вероятности конфликта США с КНР и РФ в последние годы привело к повторной актуализации концепций сдерживания, в т.ч. интегрированного [9]. Он обращает внимание на идеи Р. Пауэлла, утверждавшего, что баланс интересов (т.е. величина ставок для каждой стороны) определяет механизм сдерживания. Исходя из того, что воссоединение с Тайванем является жизненно важным интересом Китая, К. Малкасян утверждает, что КНР может прибегнуть к ядерным ударам в случае вмешательства США в вооружённый конфликт на стороне Тайваня. Последний определяется автором как имеющий меньший приоритет для США в сравнении с Японией или Филиппинами.

Ряд авторов обращает внимание на важность ядерного и ракетного измерений в контексте изучаемого понятия. А. Маунт [10] называет резкое расширение ядерных арсеналов КНР причиной пересмотра политики ядерного сдерживания США в пользу «двойного» сдерживания. Автор считает, что впервые с окончания «холодной войны» Вашингтон столкнулся с серьёзным вызовом своей ядерной политике. Выход за пределы ядерного сдерживания в новых условиях объясняется необходимостью ускорить процесс принятия решений и снизить стоимость их реализации. Т. Дальтон обозначает комплекс отношений в ядерной сфере в Азии с участием США, КНР, Индии и Пакистана как

«соревновательное сдерживание» [11]. Суть его кроется в конкуренции на уровне нарративов, которые стороны используют для объяснения своего выбора в пользу различных мер сдерживания. Так, КНР проявляет особую озабоченность развитием США и их региональными союзниками систем противоракетной обороны. Соответственно, именно этот элемент стратегии интегрированного сдерживания США можно назвать наиболее актуальным для КНР.

В то же время, встречаются и критические оценки. Дж.Дж. Уирц и Дж.Э. Ларсен доказывают неактуальность достаточно размытого понятия «интегрированное сдерживание» в условиях отсутствия соответствующей стратегии, выступая против переоценки традиционного концепта сдерживания [12]. С их точки зрения, сдерживание было гораздо более интегрированным в эпоху «холодной войны» за счёт активного размещения конвенциональных средств и тактического ядерного оружия (ЯО) не только в Европе, но и в АТР. Напротив, Пражская речь Б. Обамы в 2009 г. подразумевала снижение роли ЯО в стратегическом планировании Белого дома⁶.

Несмотря на минимальное число отечественных работ, посвящённых указанной теме, для российской практики также характерно критическое осмысление исследуемого концепта. П. Тебин расценивает изобретение термина «интегрированное сдерживание» составителями американских стратегических документов в т.ч. как проявление стремления закрепиться в медиапространстве [13]. «Интегрированность» автор интерпретирует в первую очередь как многосферность на стыке экономической, политической и военной сфер, обращая внимание на важность перцепции со стороны объектов сдерживания (РФ и КНР).

Р.С. Маматханов трактует интегрированное сдерживание как индивидуализированную политику США в отношении как России, так и Китая [14]. Автор обращает внимание на участие в процессе и НАТО, внерегионального для ИТР блока. К.В. Богданов определяет «интегрированное сдерживание» как идеологический каркас, составляющий основу для реализации концепции многосферных операций [15], которая, в свою очередь, значительно повышает вероятность эскалации. Специалист обращает внимание и на градацию при использовании средств

⁶ Remarks by President Barack Obama in Prague as Delivered // The White House. April 5, 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered> (дата обращения 28.06.2025).

такого сдерживания, размывание границ между военной и невоенной областями.

Ещё одна группа публикаций представлена работами авторов из стран АТР, союзных США. Неудивительно, что в фокусе этих специалистов в первую очередь находятся эти государства АТР с точки зрения их роли в системе сдерживания. Так, Т. Мацуда и Дж. Пак описывают распределение обязанностей между США, Японией и Республикой Корея в рамках системы регионального сдерживания в АТР как «разделение труда» [16]. Утверждается, что различия в динамике двусторонних отношений американских союзников с КНР обуславливают необходимость координации действий трёх стран по сдерживанию Пекина.

С.-Х. Ким и Х.-Дж. Рим предлагают концепцию «всеобъемлющего расширенного сдерживания» с участием Республики Корея как союзника США, обращая внимание на включение в такую стратегию экономического компонента [17]. Специалисты отмечают, что после «холодной войны» американско-южнокорейский альянс переключился на сдерживание ядерных угроз со стороны КНДР. Включение новых элементов, от противодействия терроризму до военно-морской безопасности, привело к провозглашению в 2008 г. «всеобъемлющего стратегического союза» между Вашингтоном и Сеулом.

Австралийские специалисты также концентрируются на роли сдерживания в политике безопасности именно своей страны. Так, К. Рахман и П. Гопал отмечают возрастание роли концепции сдерживания в австралийских реалиях с 2010-х гг. [18]. В частности, для Австралии характерен такой подтип, как «сдерживание через воспреещение, либо преграждение доступа» (англ. *deterrence by denial*). С другой стороны, отмечается, что дискурсивное закрепление термина «сдерживание» в случае Австралии не сопровождается разработкой конкретной стратегии, что подрывает достоверность сдерживания как такового. При этом, несмотря на совпадение австралийского и американского видения сдерживания (в т.ч. интегрированного), авторы выражают сомнения в эффективности его совместной реализации. В то же время, Г. МакКэллон и К. Стюарт [19] утверждают, что пересмотр австралийских стратегических документов в последние годы связан в том числе с созданием интегрированного потенциала сдерживания в различных областях. Подтверждая роль Австралии в реализации «сдерживания через воспреещение», авторы отмечают недостаточно чёткую

сформулированность конкретных указаний для практической реализации концепции интегрированного сдерживания: даже Китай лишь подразумевается как объект сдерживания, но не называется прямо.

Следует затронуть и отношение к концепту представителей других стран макрорегиона, включая КНР. Эксперты Китайского института современных международных отношений CICIR подчёркивают, что политика интегрированного сдерживания и укрепления США своих альянсов в регионе чревата переходом конфликта вокруг Тайваня в «горячую» фазу⁷. Примечательно, что минилатеральные образования в этой связи критикуются как «псевдомногосторонние». Пакистанские авторы К. Хан и Ш. Бано рассматривают интегрированное сдерживание в контексте пределов стратегической автономии средних держав АТР [20]. США реализуют интегрированное сдерживание через обмен важнейшими технологиями с союзниками при одновременном отказе им в обретении ядерного оружия. В то же время, аналогичная концепция приписывается и Китаю со ссылкой на Белую книгу по обороне 2002 г., при этом целью КНР называется достижение глобального стратегического баланса и баланса влияния.

Таким образом, в англоязычной литературе можно наблюдать попытку дискурсивного сдвига. Симптоматичны поиски аналогичных трендов и исторических корней концепции интегрированного сдерживания с отсылками к Китаю. Так, черты интегрированного сдерживания приписывались изначально политике самого Пекина, но в итоге термин был по сути заимствован Пентагоном, что символизирует переход КНР из субъекта сдерживания в объект. Кроме того, в большинстве статей интегрированное сдерживание подразумевает не только добавление конвенционального измерения к ядерному, но и включение в средства сдерживания нетрадиционных элементов «мягкой безопасности». В целом, несмотря на наличие отдельных описанных работ по смежным темам, можно сделать вывод о недостаточном количестве публикаций, в которых прицельно изучается проблема интегрированного сдерживания в отношении Китая в исполнении не

⁷ (错格式版) CICIR Report: Mutual Respect, Equality, Mutual Benefit and Peaceful Coexistence — Exploring a new framework amid complexity for China-US relations // CICIR — China Institutes of Contemporary International Relations. 2021. November 14. URL: <http://www.cicir.ac.cn/NEW/en-us/opinion.html?id=fe12030f-3cdd-4547-ae0e-d2301f191b8b> (дата обращения 28.04.2025).

США в контексте сети азиатско-тихоокеанских альянсов. Данная статья призвана отчасти восполнить этот пробел.

Интегрированное сдерживание: к сути понятия

Для начала необходимо кратко рассмотреть историю возникновения словосочетания «интегрированное сдерживание» в официальном дискурсе США, проанализировать содержательное наполнение термина. Как было показано в том числе в предыдущем разделе, понятие встречалось в научной и публицистической литературе ещё до прихода к власти Дж. Байдена и не обязательно в связи с азиатско-тихоокеанским контекстом [5; 21; 22], что позволяет сделать вывод о транзите данного термина в официальный дискурс из научного.

Л. Остин, министр обороны США во время президентства Дж. Байдена, начал активно использовать понятие в официальных речах с момента своего вступления в должность в 2021 г. Он определил интегрированное сдерживание как применение существующих и создание новых возможностей с последующим использованием их в парадигме сетевого подхода в сотрудничестве с союзниками и партнёрами [23]. При этом бывший глава Пентагона делал акцент на индивидуализированном подходе (англ. *tailored approach*) [20] в отношении рассматриваемого региона.

В конце 2021 г. К. Каль, заместитель Л. Остина, подтвердил, что интегрированное сдерживание играет большую роль в стратегии США [24]. Под интегрированностью, с его слов, понимается как сочетание всевозможных областей, от ядерной сферы до информационной безопасности, так и объединение различных потенциальных театров военных действий. В интегрированное сдерживание включается и потенциал союзников [13], который К. Каль определял как «асимметричное преимущество». Оно должно помочь предупредить действия противников, пытающихся сыграть на опережение при инициации конфликта. В то же время, ядерная триада США в таком понимании продолжает оставаться важнейшим компонентом интегрированного сдерживания. Ещё одна его задача — борьба с гибридными угрозами и действиями потенциальных противников в «серых зонах» [20].

В декабре 2022 г. помощник министра обороны США по вопросам стратегического планирования М.Э. Карлин обращала внимание на важность обоих компонентов в словосочетании «интегриро-

ванное сдерживание» [25]. Под интегрированностью, с её слов, следует понимать планирование и координацию с другими правительственными органами, союзниками и партнёрами. Сдерживание, в свою очередь, подразумевает создание боевых сил во всём спектре областей. При этом достоверность использования такого потенциала призвана помочь США сдержать угрозы, поступающие, по мысли М.Э. Карлин, от КНР и РФ. Отказ от российских и китайских товаров и технологий подаётся как средство реализации концепции интегрированного сдерживания.

Все названные факты позволяют рассматривать «интегрированное сдерживание» как логическое, идейное продолжение концепции «расширенного ядерного сдерживания», возникшей во время холодной войны. В тривиальной номенклатуре встречается метафора «ядерный зонтик», предполагающая предоставление американским союзникам в Европе и АТР позитивных гарантий безопасности. Принципиальным отличием интегрированного сдерживания от расширенного ядерного сдерживания видится включение конвенциональных компонентов (совместные военные учения, военно-техническое сотрудничество и др.), элементов «мягкой безопасности» (экономическое сдерживание). Далее рассмотрим эволюцию использования соответствующего термина в доктринальных документах США и их союзников по АТР.

Интегрированное сдерживание Китая в стратегических документах США и их союзников

Для выявления релевантности Китая для стратегии интегрированного сдерживания в политике США и их союзников в АТР был проведён количественный контент-анализ актуальных по состоянию на 2025 г. доктринальных документов указанных стран. Корпус источников состоит из Индо-Тихоокеанской стратегии (ИТС) США 2022 г.⁸, Стратегии национальной обороны (СНО) США 2022 г.⁹, Обзора ядерной политики (ОЯП) США 2022 г.¹⁰, Обзора политики в

⁸ Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022 / The White House. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения 28.04.2025).

⁹ 2022 National Defense Strategy of the United States of America Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review / U.S. Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf> (дата обращения 28.04.2025).

¹⁰ Ibid.

области противоракетной обороны (ОПРО) США 2022 г.¹¹, Стратегии национальной безопасности (СНБ) США 2022 г.¹², Стратегического обзора по обороне (СОО) Австралии 2023 г.¹³, СНО Австралии 2024 г.¹⁴, Стратегии свободного, мирного и процветающего Индо-Тихоокеанского региона (ИТС) Республики Корея 2022 г.¹⁵, Белой книги по обороне (БКО) Республики Корея

¹¹ 2022 National Defense Strategy of the United States of America Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review / U.S. Department of Defense. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf> (дата обращения 28.04.2025).

¹² National Security Strategy: October 2022. / The White House. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения 28.04.2025).

¹³ National Defence: Defence Strategic Review 2023 // Australian Government Department of Defence. URL: <https://www.defence.gov.au/about/reviews-inquiries/defence-strategic-review> (дата обращения 03.02.2025).

¹⁴ National Defence Strategy // Australian Government Department of Defence. 2024. URL: https://www.hunterdefence.org.au/wp-content/uploads/2024/05/2024-National-Defence-Strategy_Public-version_web.pdf (дата обращения 03.02.2025).

¹⁵ Strategy for a Free, Peaceful, and Prosperous Indo-Pacific Region. URL: https://www.mofa.go.kr/cntntsDown.do?path=www&physic=Indo-Pacific_Strategy.pdf&real=Indo-Pacific_Strategy.pdf (дата обращения 28.04.2025).

2022 г.¹⁶, СНБ Республики Корея 2022 г.¹⁷, СНБ Японии 2022 г.¹⁸, СНО Японии 2022 г.¹⁹, документа «Оборона Японии» 2024 г.²⁰

Численные результаты исследования суммированы в табл. Поиск соответствий производился по лексическим маркерам, указанным в названиях столбцов. Не ограничением, но особенностью подхода является включение в выборку словосочетаний «Южно-Китайское море»,

¹⁶ 2022 Defense White Paper // 국방부 (Кукбангбу = Министерство обороны). URL: https://mnd.go.kr/user/mndEN/upload/pblicitn/PBLICTNEBOOK_202307280406019810.pdf (дата обращения: 28.04.2025).

¹⁷ The Yoon Suk Yeol Administration's National Security Strategy. Global Pivotal State for Freedom, Peace and, Prosperity // Embassy of the Republic of Korea in the USA. URL: <https://overseas.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20230621040037933.pdf&rs=/viewer/result/202504> (дата обращения: 28.04.2025).

¹⁸ National Security Strategy of Japan: December 2022. // Office of Policy Planning and Coordination on Territory and Sovereignty. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения 28.04.2025).

¹⁹ National Defense Strategy: December 16, 2022. // Japan Ministry of Defense. URL: https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf (дата обращения 28.04.2025).

²⁰ 2024 Defense of Japan // Japan Ministry of Defense. URL: https://www.mod.go.jp/j/press/wp/wp2024/pdf/DOJ2024_Digest_EN.pdf (дата обращения 28.04.2025).

Результаты количественного контент-анализа стратегических документов США и их союзников в АТР

Государства	Стратегические документы	«China»+«PRC»	«Deterrence»	«Extended deterrence»	«Integrate» и производные	«Integrated deterrence»
США	ИТС США 2022 г.	18	6	2	2	1
	СНО США 2022 г.	49	63	3	27	14
	ОЯП США 2022 г.	40	101	12	14	6
	ОПРО США 2022 г.	12	30	2	22	8
	СНБ США 2022 г.	54	24	3	12	5
Австралия	СОО Австралии 2023 г.	9	25	0	64	0
	СНО Австралии 2024 г.	18	17	1	53	0
Республика Корея	ИТС Республики Корея 2022 г.	8	0	0	0	0
	БКО Республики Корея 2022 г.	52	126	3	124	0
	СНБ Республики Корея 2022 г.	43	21	18	10	0
Япония	СНБ Японии 2022 г.	32	11	2	6	0
	СНО Японии 2022 г.	43	24	4	20	0
	«Оборона Японии» 2024 г.	68	6	3	12	1

«Восточно-Китайское море» и т.п. С учётом непосредственной их взаимосвязи с китайским фактором, такую методологическую погрешность можно признать не принципиальной.

Примечательно, что американские союзники за редким исключением практически не переняли термин «интегрированное сдерживание» в своих официальных документах. Выбросами в этой связи выглядят относительно высокие показатели упоминаний понятий «сдерживание» и «интегрированная оборона» в объёмной БКО Республики Корея 2022 г. Единжды термин «интегрированное сдерживание» встречается в обзоре «Оборона Японии» 2024 г. Переходя от количественного контент-анализа к его качественному типу, важно иметь в виду смысловое окружение при обращении к китайской тематике и проблематике сдерживания. Ниже представлен разбор контекста при употреблении соответствующих терминов в зависимости от страны.

США. Текущая версия СНБ США была принята в октябре 2022 г. (команде Д. Трампа лишь предстоит представить свой вариант Стратегии). В ноябре 2022 г. СНБ была дополнена масштабным документом, объединяющим в связке СНО, ОЯП и ОПРО. М.Э. Карлин заявляла в декабре 2022 г. об актуальности концепции интегрированного сдерживания для этого комплекса документов [25].

Интегрированное сдерживание действительно является относительно частотным термином во всех четырёх названных актах. В СНО оно называется «центральным элементом» всей стратегии. Ему посвящён раздел IV, который начинается с открытого апеллирования к деятельности «конкурент[ов], в частности, КНР». В описании индивидуализированных подходов приблизительно одинаковое количество текста посвящено описанию противодействия Китаю и РФ, в заметно меньшей степени внимание уделено Ирану и КНДР. В случае с КНР подчёркивается необходимость налаживания взаимодействия США с союзниками по региону. В ОЯП в контексте интегрированного сдерживания выделяется комбинирование ядерных и конвенциональных потенциалов США. Важность координации (противо) ракетных вооружений не только США, но и их союзников подчёркивается и в ОПРО.

Индо-Тихоокеанская стратегия (ИТС) представляет собой ещё один тип документов, актуальных для изучаемой темы. Первая ИТС страны («Стратегия открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона») была окончательно концептуализирована ещё в период первой админи-

страции Д. Трампа, в ноябре 2019 г.²¹ Акцент на сдерживание в ней был минимальным. Вторая редакция документа была выпущена в период президентства Дж. Байдена, в феврале 2022 г. Интегрированное сдерживание в ней называется «краеугольным камнем» американской политики в регионе, при этом подчёркиваются как интеграция различных областей сотрудничества, так и укрепление связей с союзниками и партнёрами.

Очевидно, что именно США являются инициаторами процесса концептуализации термина «интегрированное сдерживание». Американские доктринальные документы и речи официальных лиц являются формообразующими источниками с точки зрения попытки актуализации понятия в международно-политическом пространстве. Впрочем, данные убедительно показывают, что эффективность продвижения термина с точки зрения его адаптации союзниками США по АТР можно признать практически нулевой.

Япония. В декабре 2022 г. произошло масштабное обновление комплекса японских стратегических документов — практически синхронно с аналогичным процессом в США. Были изданы новые редакции СНБ и СНО, Среднесрочный план оборонительного строительства. Впрочем, интегрированное сдерживание упоминается лишь впоследствии, в обзоре «Оборона Японии» 2024 г., где говорится о необходимости укрепления соответствующих возможностей совместно с США. В документах 2022 г. отмечаются максимально осторожные формулировки, что в принципе характерно для японской политической традиции. В СНБ сдерживание относится к абстрактным «вооружённым нападениям», Китай в этом контексте не упоминается. В случае с СНО ситуация похожая; более того, встречаются отрывки, посвящённые сдерживанию других стран, но не КНР. Так, в связи со сдерживанием в одном из фрагментов называется РФ (с. 8), в другом присутствуют «ракетные и ядерные угрозы» со стороны КНДР (с. 21). Соответственно, Япония стремится избегать сколько-нибудь враждебных упоминаний Китая, в том числе связанных с тематикой сдерживания.

Республика Корея. В декабре 2022 г. Республика Корея приняла собственную Индо-Тихоокеанскую стратегию (официальное полное название — «Стратегия свободного, мирного и

²¹ A Free and Open Indo-Pacific. Advancing a Shared Vision // U.S. Department of State. 2019. November 4. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf> (дата обращения 28.04.2025).

процветающего Индо-Тихоокеанского региона»). Примечателен тон документа: в нём не содержится упоминаний сдерживания в принципе, а Китай называется «ключевым партнёром для достижения благополучия и мира в ИТР» (с. 14).

Несмотря на период неопределённости, связанный с импичментом президенту после неудачной попытки введения военного положения в декабре 2024 г., по-прежнему сохраняет свою актуальность Стратегия национальной безопасности Юн Сок Ёля. Акцент с точки зрения сдерживания, в т.ч. расширенного (но не интегрированного), в ней предсказуемо делается на КНДР. Китай упоминается в качестве конкурента, но именно для США: противостояние Вашингтона и Пекина выступает фоном для выстраивания Сеулом своей политики.

Однако Белая книга по обороне Республики Корея от 2022 г. содержит необычно большое количество упоминаний терминов «сдерживание» и «интегрированная оборона». В последнем случае это связано с институционализацией Корейско-американского диалога по интегрированной обороне, призванного координировать отношения с США в сфере безопасности наряду с деятельностью Группы по стратегии и консультациям в области расширенного сдерживания. Впрочем, Китай опять упоминается как конкурент США, но не самой Республики Корея. Интересно, что в порядке цитирования в качестве задачи Ракетных войск Народно-освободительной армии Китая называется «всеобъемлющее сдерживание» (англ. all-domain deterrence). Как и Токио, Сеул избегает не только употребления словосочетания «интегрированное сдерживание», но и термина «сдерживание» в отношении КНР в принципе.

Австралия. Резкое ухудшение австралийско-китайских отношений начала 2000-х гг. нашло своё отражение в Обновлении оборонной стратегии от июля 2020 г.²² Там отмечается не только китайско-американское противостояние, но и «активное преследование» Пекином расширения зоны своего влияния в ИТР (с. 11). Уже в эпоху Дж. Байдена в 2023 г. вышел СОО Австралии, а в 2024 г. была опубликована первая в австралийской истории СНО. В первом из документов разово встречается упоминание понятия «интегрированная оборона и сдерживание» в отношении непосредственной близости

от континента. Утверждается, что Австралия будет сотрудничать с Китаем где возможно и улаживать разногласия разумным способом. В дополнение к отсылкам к китайско-американскому противостоянию, характерным для документов других американских союзников в АТР, действия КНР в Южно-Китайском море открыто расцениваются как угроза «глобальному порядку, основанному на правилах в ИТР» (с. 23). В СНО 2024 г. неоднократно упоминается «стратегическое соперничество» США и КНР, повторяется и формулировка об оппортунистическом сотрудничестве. Деятельность Пекина рассматривается как прибегание к «тактике принуждения» и «силовому разрешению споров» (с. 12). В то же время, приветствуется диалог между США и Китаем, при этом и сама Австралия подчёркивает свою готовность к диалогу с КНР на уровне оборонных ведомств (с. 49). Несмотря на более жёсткую риторику в отношении Китая в сравнении с предыдущими описанными странами, Канберра также воздерживается от одновременного использования слов «сдерживание» и «Китай» в одном предложении.

Заключение

Таким образом, выявлены ключевые отличия, характеризующие отношение США и их союзников к Китаю как потенциальному объекту интегрированного сдерживания. Если США эксплицитно выражают такое видение в своих доктринальных документах, то их азиатско-тихоокеанские партнёры воздерживаются от упоминания КНР в контексте сдерживания (причём не только интегрированного). Все из них допускают возможность сотрудничества с Китаем. Это относится даже к позиции Канберры, которая отличается максимально жёсткой — на фоне Сеула и Токио — риторикой в отношении Пекина, отдельные действия которого расцениваются австралийским руководством как угроза.

В то же время, отдельные упоминания интегрированного сдерживания в документах американских союзников также встречаются. Более того, Республика Корея активно операционализует термин «интегрированная оборона», встречающийся в названии одного из совместных институтов. Впрочем, основным объектом как сдерживания, так и интегрированной обороны для Сеула является не Китай, а КНДР.

Направления дальнейших исследований могут включать в себя изучение доктринального и практического ответа Китая на подобные действия США и других стран, сценарное прогно-

²² 2020 Defence Strategic Update // Australian Government. Department of Defence. URL: https://www.defence.gov.au/sites/default/files/2020-11/2020_Defence_Strategic_Update.pdf (дата обращения 28.04.2025).

зирование и моделирование развития стратегии интегрированного сдерживания в период второй каденции Д. Трампа, обоснование свя-

занных практических рекомендаций для лиц, принимающих внешнеполитические решения в российских условиях.

Список использованной литературы

1. Стрельцов Д.В. Новые тенденции в развитии японо-американских военно-политических отношений / Д.В. Стрельцов. — EDN PYJKVP // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. — № 6. — С. 54–60.
2. Koga K. The US and East Asian Regional Security Architecture: Building a Regional Security Nexus on Hub-and-Spoke / K. Koga. — DOI 10.1353/apr.2011.0014 // Asian Perspective. — 2011. — Vol. 35, no. 1. — P. 1–36.
3. Izumikawa Y. Network Connections and the Emergence of the Hub-and-Spokes Alliance System in East Asia / Y. Izumikawa. — DOI 10.1162/isec_a_00389a // International Security. — 2020. — Vol. 45, no. 2. — P. 7–50.
4. Лукин А. Между Вашингтоном и Пекином: что ждет азиатско-тихоокеанские альянсы США? / А. Лукин, С. Коротич. — DOI 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15. — EDN YPIHEL // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — Т. 61, № 4. — С. 5–15.
5. Chase M.S. China's Evolving Strategic Deterrence Concepts and Capabilities / M.S. Chase, A. Chan. — DOI 10.1080/0163660X.2016.1170484 // The Washington Quarterly. — 2016. — Vol. 39, no. 1. — P. 117–136.
6. Carter L. Integrated Deterrence: Winning the War Not Fought / L. Carter. — DOI 10.3316/informit.20220726070991 // Asia-Pacific Defence Reporter. — 2022. — Vol. 48, no. 5. — P. 46–47.
7. Tarapore A. Minilaterals and Deterrence: A Critical New Nexus / A. Tarapore, B. Taylor. — DOI 10.1353/asp.2022.0068 // Asia Policy. — 2022. — Vol. 17, no. 4. — P. 2–7.
8. O'Hanlon M. Managing Risks of US-China War: Implementing Integrated Deterrence / M. O'Hanlon, M. Sisson, C. Talmadge // Brookings Institution. — 2022. — 26 September. — URL: <https://coillink.org/20.500.12592/h01n68>.
9. Малкасян К. Мастер сдерживания / К. Малкасян. — DOI 10.31278/1810-6439-2022-20-2-152-157. — EDN MZITQO // Россия в глобальной политике. — 2022. — Т. 20, № 2 (114). — С. 152–157.
10. Mount A. A Not-So-Strategic Posture Commission / A. Mount // Arms Control Today. — 2023. — Vol. 53, no. 9. — P. 23–26.
11. Dalton T. Competitive Deterrence? The United States, China, and South Asia / T. Dalton // US-China Nuclear Relations: The Impact of Strategic Triangles / ed. D. Santoro. — Boulder, 2021. — P. 161–198. — URL: <https://doi.org/10.1515/9781626379527-007>.
12. Wirtz J.J. Wanted: A Strategy to Integrate Deterrence / J.J. Wirtz, J.A. Larsen. — DOI 10.1080/14751798.2024.2352943 // Defense & Security Analysis. — 2024. — Vol. 40, iss. 3. — P. 361–378.
13. Тебин П.Ю. Наша священная оборона — их варварская агрессия. О новой национальной стратегии обороны США / П.Ю. Тебин. — DOI 10.31278/1810-6439-2023-21-1-99-116. — EDN AVJKWU // Россия в глобальной политике. — 2023. — Т. 21, № 1 (119). — С. 99–116.
14. Маматханов Р.С. Доктринальные основы политики США при администрации Дж. Байдена в отношении Китая и России / Р.С. Маматханов. — DOI 10.31171/vlast.v31i4.9759. — EDN SUAOTV // Власть. — 2023. — Т. 31, № 4. — С. 294–298.
15. Богданов К.В. Эскалационные риски многосферных операций / К.В. Богданов. — DOI 10.20542/0131-2227-2023-67-4-29-39. — EDN PRASGG // Мировая экономика и международные отношения. — 2023. — Т. 67, № 4. — С. 29–39.
16. Matsuda T. Divisions of Labour: Security Cooperation Between Japan, South Korea and the United States / T. Matsuda, J. Park. — DOI 10.1080/00396338.2025.2459020 // Survival. — 2025. — Vol. 67, no. 1. — P. 71–88.
17. Kim S. Comprehensive Extended Deterrence with the ROK: Integrating Economics / S. Kim, H.J. Rim. — DOI 10.1080/0163660X.2023.2286135 // The Washington Quarterly. — 2023. — Vol. 46, no. 4. — P. 123–141.
18. Rahman C. The Role of Deterrence in Australian Strategic Thought: Implications for ANZUS / C. Rahman, P. Gopal // Journal of Indo-Pacific Affairs. — 2024. — Vol. 7, iss. 6. — P. 84.
19. MacCallion G. Australian Deterrence: Land Power's Contribution to the Integrated Force / G. MacCallion, C. Stewart. — DOI 10.3316/informit.T2024111100004590637345858 // Australian Army Journal. — Vol. 20, no. 2. — P. 48–76.
20. Khan K. Integrated Deterrence in the Asia-Pacific: Exploring Medium Power Strategic Autonomy / K. Khan, S. Bano. — DOI 10.57169/jssa.009.02.0274 // Journal of Security & Strategic Analyses. — 2024. — Vol. 9, no. 2. — P. 5–22.

21. Qasemi F. Saudi Arabia and Integrated Deterrence Against Islamic Republic of Iran / F. Qasemi, M.S. Jamshidi, S. Mohseni // *Strategic Studies Quarterly*. — 2019. — Vol. 21, iss. 81, no. 3. — P. 135–160.
22. Kendall-Taylor A. The Evolution of the Russian Threat to NATO / A. Kendall-Taylor, J. Edmonds // *Future NATO. Adapting to New Realities* / ed. J.A. Olsen. — London, 2020. — P. 54–66.
23. Lopez C.T. Defense Secretary Says 'Integrated Deterrence' Is Cornerstone of U.S. Defense / C.T. Lopez // U.S. Department of Defense. — 2021. — 30 April. — URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2592149/defense-secretary-says-integrated-deterrence-is-cornerstone-of-us-defense/>.
24. Garamone J. Concept of Integrated Deterrence Will Be Key to National Defense Strategy, DOD Official Says / J. Garamone // U.S. Department of Defense. — 2021. — 8 December. — URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/article/2866963/concept-of-integrated-deterrence-will-be-key-to-national-defense-strategy-dod-o/>.
25. Vergun D. Official Says Integrated Deterrence Key to National Defense Strategy / D. Vergun // U.S. Department of Defense. — 2022. — 6 December. — URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3237769/official-says-integrated-deterrence-key-to-national-defense-strategy>.

References

1. Streltsov D.V. New Trends in the Development of the Us-Japan Military and Political Relations. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2012, no. 6, pp. 54–60. (In Russian). EDN: PYJKVP.
2. Koga K. The US and East Asian Regional Security Architecture: Building a Regional Security Nexus on Hub-and-Spoke. *Asian Perspective*, 2011, vol. 35, no. 1, pp. 1–36. DOI: 10.1353/apr.2011.0014.
3. Izumikawa Y. Network Connections and the Emergence of the Hub-and-Spokes Alliance System in East Asia. *International Security*, 2020, vol. 45, no. 2, pp. 7–50. DOI: 10.1162/isec_a_00389a.
4. Lukin A.L., Korotich S.A. The Asia-Pacific Alliances of the United States: Between Balancing, Neutralization and Hedging. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2017, vol. 61, no. 4, pp. 5–15. (In Russian). EDN: YPIHEL. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-4-5-15.
5. Chase M.S., Chan A. China's Evolving Strategic Deterrence Concepts and Capabilities. *The Washington Quarterly*, 2016, vol. 39, no. 1, pp. 117–136. DOI: 10.1080/0163660X.2016.1170484.
6. Carter L. Integrated Deterrence: Winning the War not Fought. *Asia-Pacific Defence Reporter*, 2022, vol. 48, no. 5, pp. 46–47. DOI: 10.3316/informit.20220726070991.
7. Tarapore A., Taylor B. Minilaterals and Deterrence: A Critical New Nexus. *Asia Policy*, 2022, vol. 17, no. 4, pp. 2–7. DOI: 10.1353/asp.2022.0068.
8. O'Hanlon M., Sisson M., Talmadge C. Managing Risks of US-China War: Implementing Integrated Deterrence. *Brookings Institution*, 2022, September 26. Available at: <https://coiink.org/20.500.12592/h01n68>.
9. Malkasian C. Master of Containment. *Rossiia v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 152–157. (In Russian). EDN: MZITQO. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-2-152-157.
10. Mount A. A Not-So-Strategic Posture Commission. *Arms Control Today*, 2023, vol. 53, no. 9, pp. 23–26.
11. Dalton T. Competitive Deterrence? The United States, China, and South Asia. In Santoro D. (ed.). *US-China Nuclear Relations: The Impact of Strategic Triangles*. Boulder, 2021, pp. 161–198. Available at: <https://doi.org/10.1515/9781626379527-007>.
12. Wirtz J.J., Larsen, J.A. Wanted: A Strategy to Integrate Deterrence. *Defense & Security Analysis*, vol. 40, iss. 3, pp. 361–378. DOI: 10.1080/14751798.2024.2352943.
13. Tebin P.Yu. Our Sacred Defense — Their Barbaric Aggression. *Rossiia v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 99–116. (In Russian). EDN: AVJKWU. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-99-116.
14. Mamatkhanov R.S. The Doctrinal Foundations of the US Policy Toward China and Russia under the J. Biden Administration. *Vlast' = Power*, 2023, vol. 31, no. 4, pp. 294–298. (In Russian). EDN: SUAOTV. DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9759.
15. Bogdanov K.V. The Escalation Risks of Multi-Domain Battles. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 4, pp. 29–39. (In Russian). EDN: PRASGG. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-29-39.
16. Matsuda T., Park J. Divisions of Labour: Security Cooperation Between Japan, South Korea and the United States. *Survival*, 2025, vol. 67, no. 1, pp. 71–88. DOI: 10.1080/00396338.2025.2459020.

17. Kim S., Rim H.J. Comprehensive Extended Deterrence with the ROK: Integrating Economics. *The Washington Quarterly*, 2023, vol. 46, no. 4, pp. 123–141. DOI: 10.1080/0163660X.2023.2286135.
18. Rahman C., Gopal P. The Role of Deterrence in Australian Strategic Thought: Implications for ANZUS. *Journal of Indo-Pacific Affairs*, 2024, vol. 7, iss. 6, pp. 84.
19. MacCallion G., Stewart C. Australian Deterrence: Land Power's Contribution to the Integrated Force. *Australian Army Journal*, vol. 20, no. 2, pp. 48–76. DOI: 10.3316/informat. T2024111100004590637345858.
20. Khan K., Bano S. Integrated Deterrence in the Asia-Pacific: Exploring Medium Power Strategic Autonomy. *Journal of Security & Strategic Analyses*, 2024, vol. 9, no. 2, pp. 5–22. DOI: 10.57169/jssa.009.02.0274.
21. Qasemi F., Jamshidi M.S., Mohseni S. Saudi Arabia and Integrated Deterrence Against Islamic Republic of Iran. *Strategic Studies Quarterly*, 2019, vol. 21, iss. 81, no. 3, pp. 135–160.
22. Kendall-Taylor A., Edmonds J. The Evolution of the Russian Threat to NATO. In Olsen J.A. (ed.). *Future NATO. Adapting to New Realities*. London, 2020, pp. 54–66.
23. Lopez C.T. Defense Secretary Says 'Integrated Deterrence' Is Cornerstone of U.S. Defense. *U.S. Department of Defense*. 2021. April 30. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2592149/defense-secretary-says-integrated-deterrence-is-cornerstone-of-us-defense/>.
24. Garamone J. Concept of Integrated Deterrence Will Be Key to National Defense Strategy, DOD Official Says. *U.S. Department of Defense*. 2021. December 8. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/article/2866963/concept-of-integrated-deterrence-will-be-key-to-national-defense-strategy-dod-o/>.
25. Vergun D. Official Says Integrated Deterrence Key to National Defense Strategy. *U.S. Department of Defense*. 2022. December 6. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3237769/official-says-integrated-deterrence-key-to-national-defense-strategy/>.

Информация об авторе

Торопчин Глеб Вячеславович — кандидат исторических наук, заместитель декана, факультет гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Российская Федерация, glebtoropchin@mail.ru.

作者信息

Gleb V. Toropchin — 历史学副博士, 副系主任, 文科教育系, 新西伯利亚国立技术大学, 新西伯利亚市, 俄罗斯联邦, glebtoropchin@mail.ru.

Author

Gleb V. Toropchin — PhD in History, Deputy Dean, Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, glebtoropchin@mail.ru.

Для цитирования

Торопчин Г.В. Китай как объект интегрированного сдерживания в АТР / Г.В. Торопчин. — DOI 10.17150/2587-7445.2025.9(2).172-183. — EDN OEUFML // Российско-китайские исследования. — 2025. — Т. 9, № 2. — С. 172–183.

For Citation

Toropchin G.V. China as an Object of Integrated Deterrence in the Asia-Pacific. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 172–183. (In Russian). EDN: OEUFML. DOI: 10.17150/2587-7445.2025.9(2).172-183.